

Ярослав ЛЕБЕДИНСКИЙ

GALLIA ULTERIOR:
к вопросу об Аланском королевстве на Луаре

31 декабря 406 г. большое число алан, а также вандалы, свевы-квады и небольшие объединения других «варваров» по льду перешли замерзший Рейн и проникли на территорию Галлии. Аланы были разделены на две группы, одну из них возглавлял Респендиал, другую – Гоар. Сразу же после перехода через Рейн Гоар вступил в союз с римлянами. После ухода большинства завоевателей, включая и людей Респендиала, в Испанию в 409 г. аланы Гоара остались в Галлии (возможно, что другие аланы пришли в Галлию позже, вместе с вестготами). Источники sporadически сообщают об их действиях вместе с другими союзниками в нескольких регионах. Сам Гоар принял непосредственное участие в узурпации власти в Майнце Иовином, основной военной опорой которого были подчиненные Гоару аланы и бургунды короля Гундахара. В 415 г. в Базасе аланы покинули армию вестготов, опустошавших Аквитанию, и перешли в стан «римлян» [1]. В последующие 25 лет источники хранят молчание, возможно потому, что аланы оказались на втором плане, уступив место наемникам из гуннов, широко использовавшихся Аэцием в 420-430 гг. Во всяком случае, сведения о них появляются вновь только в 440 г. и свидетельствуют об окончательном обосновании компактных групп алан, руководимых собственными правителями или королями, в различных регионах Галлии: на северо-западе, в северной части средней Луары и севернее города Орлеан, а также на юго-востоке, неподалеку от Валанса. Данное размещение войск осуществлялось в соответствии с широкомасштабным планом верховного главнокомандующего Западной империи Аэция, направленным на укрепление обороноспособности в границах Галлии; в рамках этого же плана позже, в 443 г., в Сапаудии были размещены бургунды. Эти меры были направлены одновременно против восстаний багаудов, в результате которых отдельные регионы добились поч-

ти полной независимости, и против волнений и возможных нападений вестготов – «федератов» Аквитании.

Все вышеизложенное достаточно хорошо известно и является предметом исследования многочисленных трудов, в частности классического труда Б. Бахраха, посвященного истории алан на Западе [2]. Задача же данной статьи несколько иная: нам бы хотелось, возвращаясь к наиболее полно освещенному документальными данными вопросу о расселении алан на северо-западе, рассмотреть несколько конкретных положений, которые, на наш взгляд, продолжают оставаться проблематичными, а именно: каковы были в точности условия размещения алан? Откуда пришли эти аланы и кто их возглавлял? Сколько их было? Каковы были границы и статут их территории? Как функционировала их экономика? Некоторые из перечисленных вопросов остаются вне внимания практически всех исследователей, а общепринятые ответы на другие требуют серьезной проверки.

Появление алан

Единственным источником, содержащим сведения о расселении алан и выделении им земельных наделов, является *Хроника Галлий*. Сам этот факт упоминается в *Хронике* дважды, однако недвусмысленно указывает только на группировку из Валанса и ее главу по имени Самбида.

В 440 г.: «*Пустующие земли вокруг города Валанса розданы для распределения между аланами под командованием Самбиды*» (глава 124). Несмотря на то, что выдвигались и другие предположения [3], речь, вне всякого сомнения, идет о городе Валансе на Роне на юго-востоке Франции, доминировавшем над стратегически важными трактами.

В 442 г.: «*Аланы, которым патрицием Аэцием были переданы земли Gallia Ulterior для распределения их между ними и местными жителями, подчиняют непокорных оружием и, изгнав хозяев, силой завладевают земельными наделами*» (глава 127).

Это второе упоминание общепринято считать свидетельством о рождении Аланского королевства на северо-западе Галлии, однако при ближайшем рассмотрении не все так очевидно. Термин *Gallia Ulterior* не имеет точного географического содержания. В классическую эпоху этот термин употреблялся в значении «заальпийская Галлия», т.е. Галлия, лежащая за пределами Альп (по отношению к Италии), иными словами, непосредственно Галлия. В конце концов, этот отрывок *Хроники Галлий* вполне мог бы являться продолжением первого и относиться к той же

группе алан, т.е. группе Самбиды: будучи расселенными в окрестностях Валанса в 440 г., они могли выселить два года спустя галло-римских землевладельцев, так как дележ земель тянулся слишком долго. В этом случае упомянутые выше события не имели бы отношения к расселению других алан на северо-западе Галлии, имевшему место примерно в это же время.

Однако мы не станем останавливаться на последней гипотезе, поскольку, несмотря ни на что, логично предположить, что два упоминания алан в *Хронике Галлий* действительно касаются двух различных групп алан, расселенных в Галлии Азцием. Тем не менее перед нами пример того, как отдельные давно признанные интерпретации древних источников могут подменять оригинальные тексты, не подвергаясь более сомнению и пересмотру. Как бы то ни было, о деятельности алан на северо-западе Галлии сообщается несколько позже: между 445 и 448 гг. Аэций отдал им на откуп восставшую Арморикю, которую спасло только своевременное вмешательство епископа г. Осер (Auxerre) Германа (события эти известны в подробностях из *Vita Germani*, записанного около 480 г.). Эти же аланы сыграли важную роль при вторжении Атиллы в Галлию в 451 г. Благодаря Иордану (*Getica*, XXXVII) мы узнаем, что резиденция их короля размещалась в это время в Орлеане. Понятие *Gallia Ulterior* в представлении летописца V в. должно, без сомнения, пониматься как «Галлия выше Луары», Галлия, расположенная к северу от Луары (в VI в. Григорий Турский все еще неточно употребляет этот термин для обозначения Северной Галлии (*История франков*, II, 9). Это толкование подтверждается Иорданом (*Getica*, XLII), упоминающим алан, «живущих за Луарой» (*trans flumen Ligeris*).

Откуда же пришли аланы, проживавшие на Луаре? По мнению большинства авторов, речь идет о группе алан, уже находившейся в Галлии и переселенной Азцием в соответствии с его стратегическим планом [2, стр. 62]. В период событий в Арморике королем этих алан был Эохар (Eochar), который, по некоторым предположениям, был не кем иным, как Гоаром 406-411 гг. (см. ниже об осторожности подхода к подобному отождествлению). В таком случае аланы на Луаре были вторым, если не третьим поколением населения, интегрированного римлянами в течение нескольких десятилетий. Тем не менее следует учесть по меньшей мере еще две другие возможности: Ю. Кулаковский, вероятно, считал, что аланы на Луаре были аланами Самбиды, переселенными спустя несколько лет после их первоначального размещения в Валентинуа [4, стр. 106-107]. Можно также допустить, что Аэцию пришлось принять алан из Паннонии, выселенных в момент передачи контроля над этим регионом гуннам;

при этом, если точные условия этой передачи не совсем ясны, то известно, что произошла она не позднее 433-435 гг., то есть на 15-20 лет раньше поселения алан Самбиды и Эохара в галльских провинциях. Таким образом, наиболее реально считать, что последние уже находились в Галлии до 440-442 гг. и были в большинстве своем потомками Гоара. Что же касается аланского населения *Gallia Ulterior*, то проще всего представить себе вслед за Б. Бахрахом, что оно неизменно оставалось на севере (северо-востоке) Галлии со времени событий 406 и 411 гг., однако сведений о нем в период с 411 по 442 гг. не сохранилось.

Статут королевства «федератов»?

Положение алан, проживавших в *Gallia Ulterior*, в корне отличалось от положения небольших вспомогательных отрядов сарматов, размещенных ранее в разных уголках Галлии. Эти сарматы входили в категорию «*Gentiles*» (что можно перевести как «иноземцы»), подобную германским летам (*Laeti*), и были разделены на небольшие гарнизоны, интегрированные в римские оборонительные войска [5, гл. II, б].

Аланы же на Луаре формировали компактное, имевшее собственную территорию население. Они имели своего короля, и С. Перевалов справедливо напомнил недавно о важности этого критерия для отличия «варваров», имевших статус *gens* «нации, народа», от подневольных групп, входивших в состав более могущественных племен [1, стр. 182]. Следовательно, похоже, что их положение ближе к положению вестготов и бургундов. Последние имели юридический статус федератов (*foederati*). Они были расселены на римской территории на основании *foedus*, пакта, оговаривавшего обязанности сторон: «варвары» наделялись землей (юридически остававшейся частью неделимой империи), получали вознаграждение и т.д., в обмен на что должны были защищать вверенную им территорию. Только в 475 г., накануне развала Западной империи, *foedus*, ставший чистой фикцией, был упразднен, и независимость Вестготского и Бургундского королевств была признана императором Юлием Непосом. Сходство статуса алан и бургундов тем более убедительно, что расселение их было практически одновременным и наверняка имело единую юридическую основу, введенную Римом.

Существовал ли подобный договор при расселении алан в *Gallia Ulterior* и в Валентинуа? В источниках нет на это прямых указаний, хотя очевидно, что расселение алан было возможно только в соответствии с официальным распоряжением римских властей – в данном случае Аэция,

обладавшего реальной властью на Западе. Во всяком случае, если *foedus* существовал, то был он заключен, вероятно, задолго до 440-442 гг. и восходил по времени к появлению в Галлии войск Гоара. Вряд ли аланские войска могли оставаться в стране на протяжении 40 лет без какого-либо на это юридического основания.

Следует подчеркнуть, что королевство алан не было независимым, точнее, как и другие «римско-варварские» королевства Галлии, оно имело двойную структуру. Аланы, будучи иностранцами, на которых римское право не распространялось, решали свои внутренние проблемы по собственному усмотрению. В то же время они должны были подчиняться военным указаниям Рима – как, например, король Эохар, отправившийся усмирять армориканский бунт, а затем даровавший святому Герману «прощение» при условии, что оно будет утверждено императором или Аэцием (но не было!). При этом неизбежно возникала проблема последующего конфликта между аланами и галло-римским населением занятой ими местности, остававшимся приверженным имперской власти и имперскому праву. Первый и самый серьезный такой конфликт 442 г. разрешился выселением непокорных землевладельцев, что было одобрено или по меньшей мере не осуждено Аэцием: для этого реалиста стратегические задачи были важнее юридических принципов.

Численность

Известно, что число «варваров», участвовавших в Великом переселении народов, часто преувеличенное, на самом деле было довольно скромным: не более нескольких десятков тысяч человек (80 000 душ вместе с рабами во время отступления вандалов и их союзников алан в Африку в 429 г.). Какова же была численность алан, живших к северу от Луары? Было ли их больше или меньше, чем, например, «остатков бургундов», прибывших в 443 г. в Сапаудию после почти полного их истребления гуннами в 437 г.?

Ни один из древних авторов не дает определенного ответа на этот вопрос. Мы располагаем только косвенными указаниями. Например, выселение галло-римских землевладельцев аланами может означать, что последние нуждались в земле (ниже мы рассмотрим, для каких целей) и, значит, должны были прокормить относительно многочисленное население. Аланы предположительно вели «анти-партизанскую» войну против багаудов и, несомненно, сдерживали вестготов, будораживших юг Луары, – это тоже наводит на мысль о немалых резервах. Однако наиболее важ-

ным фактором является, возможно, то, что Аэций поручил им подавление армориканского мятежа. Разумеется, речь шла о почти профессиональных воинах, скорее всего имевших дело с плохо вооруженными бунтарями, тем не менее для восстановления контроля над целым регионом и устранения возможности его отделения необходимо было обладать значительным контингентом. Просьба о посредничестве, направленная армориканцами святому Герману, указывает на то, что они опасались не отдельных карательных рейдов, а полного разрушения своей страны. К тому же в *Vita Germani* в образной форме говорится, что всадники Эохара «заполнили дороги» [4, стр. 108- 109].

Наконец, аланы Луары сыграли первостепенную роль при вторжении Атиллы в Галлию в 451 г. Король гуннов надеялся, что король алан Сангибан, резиденция которого находилась в Орлеане, сдаст ему этот город, имевший ключевое значение для перехода через Луару и территории вестготов в Аквитании. Аланы, остававшиеся в лагере римлян или вновь к нему примкнувшие, располагались в центре войск Аэция во время битвы при *Mauriacum* («Каталаунские поля»). Иордан (*Getica*, XXXVIII) утверждает, что этот боевой порядок был избран для предотвращения измены алан, однако подобный метод представляется несколько рискованным. Не объясняется ли такой выбор скорее решением противопоставить аланскую кавалерию войскам, находившимся под личным командованием Атиллы в центре армии гуннов? В любом случае аланы являлись одним из крупных подразделений в составе армии Аэция, что еще раз говорит в пользу их многочисленности.

Определить их число хотя бы приблизительно гораздо сложнее. Обычно принято считать, что один воин приходился у «варваров» примерно на 5 человек (понятно, что реальное соотношение варьировалось в зависимости от обстоятельств). Сколько же требовалось аланских воинов, чтобы восстановить контроль над Арморикой или остановить элитные войска Атиллы в битве при *Mauriacum*? Нам остается прибегнуть к нашему воображению, по возможности оставаясь при этом в рамках реального. Контингент в 1000 человек кажется явно заниженным. Цифра 10 000, вероятно, будет завышенной (по Аммиану Марцеллину XXXI, 12,3, ссылающемуся на сведения римских разведчиков, такова была общая численность войска вестготов при роковом сражении под Андрианополем в 378 г.). Правдоподобным может быть среднее этих двух чисел, но, конечно, в зависимости от того, представим ли мы себе, что группировка Эохара и Сангибана состояла из двух, пяти или семи тысяч воинов, мы приходим к очень разным оценкам общей численности алан в *Gallia Ulterior*: десять, двадцать или тридцать пять тысяч человек! Каково бы ни было их

реальное число, все-таки их было меньше – во всяком случае после сражений с гуннами в 451 г. и вестготами в 452-453 гг. — «критической массы», необходимой для сохранения Аланского королевства и последующего его преобразования в политическую структуру, способную просуществовать так же долго, как Вестготское или Бургундское королевства.

Территория алан

Земли в Галлии, переданные вестготам, бургундам и аланам, не полностью совпадали с римским административно-территориальным делением. В случае с аланами *Gallia Ulterior* этот факт еще более осложняет определение географических границ их королевства.

При этом нам известны два факта: с одной стороны, в 451 г. резиденция короля Сангибана находилась в Орлеане, что логически означает, что город находился на его территории. С другой стороны, если аланы были направлены в 445-448 гг. усмирять армориканских сепаратистов, то, возможно, их королевство граничило с Арморикой. К сожалению, Арморика – это еще одно весьма расплывчатое географическое понятие: римская Арморика не была ни четко очерченной римской провинцией, ни Арморикой в современном смысле слова, соответствующем полуострову Бретань. Этот термин кельтского происхождения (*are-morica*, регион «напротив моря») покрывал значительную часть северо-западной Галлии, и власть *dux tractus armoricani* распространялась на несколько граничивших провинций. *Vita Germani* поясняет, что после встречи с Германом Эохар отвел свои войска в их прежнее расположение..., однако не уточняет, где именно оно находилось.

В отсутствие археологических данных (см. ниже) последним источником информации является топонимия, но и ее использование затруднительно. Нам известно, что в Галлии, и в особенности к северу от Орлеана, названия ряда населенных пунктов могут восходить к латинским именам *Alani*, *Alania* и их дериватам. Некоторые французские лингвисты оспорили эту точку зрения и предложили другое объяснение их происхождения (кельтское, германское и т.д.); другие специалисты, напротив, опубликовали избыточно длинные и не очень надежные списки якобы аланских топонимов [2, стр. 137-140; 5, прил. 4; 6, стр. 75-82; 7]. Поражает концентрация подобных топонимов на северо-западе Галлии, часть из них действительно может восходить к этнониму алан – или к собственному имени, вошедшему в обиход в период раннего средневековья (однако частота таких имен в этом регионе может быть и напоминанием о более раннем

присутствии алан). Возможно, к этому перечню следует добавить такие топонимы, как Gohier и Gohogy, которые могли быть образованы от антропонима Гоар. Случаи названий рек, содержащих корни *дан-* и *дон-*, не очень прозрачны, так как, похоже, этот корень существовал и в кельтском языке.

Ограничиваясь наиболее убедительными топонимами типа Аллен, Алланвиль, Аланкур (*Allaines, Allainville, Alaincourt*), можно попытаться использовать их расположение для воссоздания примерной карты если не королевства алан, то хотя бы тех зон, где их присутствие было наиболее значительным и основательным. Очень приблизительными границами этой зоны могли быть реки Сена, Луара и Сарт. Несколько топонимов встречаются также на юге Нормандии.

Правители: Эохар/Гоар и Сангибан

Нам известны два аланских короля *Gallia Ulterior* – Эохар (конец сороковых годов V в.) и Сангибан (451 г.). Они должны были обладать тем же статусом, что, скажем, бургундские правители, которые по традиции одновременно были королями и военными предводителями своего народа, а также представителями власти Рима. Неизвестно, наделял ли их Рим особым официальным титулом; источники называют их только «королями алан» (*rex Alanorum*). Несомненно, эти два исторических лица правили одно за другим, хотя и не исключено, что аланы могли иметь несколько правителей одновременно. Ничто не указывает на их возможное родство.

Эохар предстает в *Vita Germani* как «свирепый король алан», одержимый «присущими “варварам” алчностью и корыстолюбием», что не мешает ему, судя по одной очень живо описанной сцене, пойти на уступку Герману [4, стр. 108-110]. Суть, однако, не в том, что портрет этот несколько карикатурен, а в том, насколько он совпадает с описанием Гоара, пришедшего в Галлию в 406 г. С лингвистической точки зрения это вполне возможно: помимо того, что Гоар фигурирует в нескольких изданиях *Vita Germani* под именем Эохар, обе формы, а также их варианты, могут восходить к одному и тому же аланскому прототипу *Goag или *Gohag [5, прил. 3]. Однако идентичность имени еще не означает идентичности личности. Е. Демужо (*E. Demougeot*) замечает, что если речь в данном случае идет об одном и том же человеке, то во время похода в Арморикю он должен был быть уже довольно пожилым (если предположить, что ему было 25 лет в 406 г., то в 446 г. ему должно было исполниться 65) [8, том 2, стр. 502, прим. 109]. Именно преклонным

возрастом объясняет Б. Бахрах замещение Эохара / Гоара Сангибаном не позднее 451 г.: согласно Аммиану Марцеллину (XXXI, 2, 22), аланы неодобрительно относились к «дряхлеющим старикам», однако это, конечно, не более, чем гипотеза [2, стр. 65]. К тому же это имя не было из ряда вон выходящим, и оно вполне могло быть распространено как среди алан, так и среди готов: кроме святого Гоара, родившегося в VI в. в Аквитании, до нас дошли также сведения о Гоаре – готе из Далматии (Прокопий, *Война с готами*, IV, 27). Следовательно, следует сохранять критический подход к этому вопросу. Совершенно не исключено, что королем алан Луары около 445 г. действительно был постаревший Гоар, завершавший там свою долгую карьеру союзника Рима. Однако нельзя считать это достоверным фактом, и тем более не следует создавать, подобно отдельным авторам, некую «сагу о Гоаре», приписывая ему кроме событий 406, 411 и 440 гг., эпизоды, в которых его присутствие никем не удостоверяется, как, например, осада Базаса в 415 г. – это уже работа писателей-романистов, а не историков.

Что же касается Сангибана, то он появляется на исторической сцене – к тому же в роли потенциального предателя! – только во время нашествия гуннов 451 г. Тот факт, что он имел резиденцию в Орлеане, подобно королю вестготов в Тулузе, указывает на начало «романизации» алан, может быть, на создание некоего «варварского двора», подобного тем, что существовали в эту эпоху при германских королях, или на использование аланским двором продолжавшей действовать римской администрации.

Образ жизни алан в *Gallia Ulterior*

Следуя французской традиции, подпитанной враждебными предрасудками в отношении «варваров», историки и романисты представили алан *Gallia Ulterior* жалкими примитивными кочевниками. Однако этот образ далек от действительности, и доводов в пользу данного утверждения несколько.

Эти аланы никак не могли сохранить образ жизни своих предков из украино-русских степей предшествовавшего столетия. Их непрерывные миграции на запад, длительное общение с римскими властями и сама стратегическая цель их размещения в *Gallia ulterior* превратили их в сообщества военных поселенцев. Они наверняка не восстановили свою традиционную экономику в местах своего расположения в различных частях Галлии. Трудно представить себе, чтобы они занимались экстенсивным

животноводством и перемещались в кибитках между полями галло-римских земледельцев даже по большой Босской низменности (Beauce) между Орлеаном и Парижем. Иными словами, маловероятно, чтобы аланы были кочевниками (к тому же часть северо-кавказских алан переходила к оседлому образу жизни уже в период гуннского нашествия, о чем свидетельствует археологический материал городищ типа Зильгинского в Северной Осетии, а венгерские сарматы или сармато-аланы были полностью оседлыми).

Факт изгнания в 442 г. галло-римских землевладельцев означает, что аланы заняли их место в качестве хозяев этих земель. Интересно, что немногие авторы задавались вопросом, как же эти земли использовались. В обширных площадях аланы несомненно нуждались для содержания крупных лошадиных табунов, обязательных для пополнения кавалерии. Возможно, некоторые из них еще вели полукочевой образ жизни, занимаясь перегонным животноводством. В остальном же разве не более убедительно предположение о том, что аланы конфисковывали земли или для того, чтобы их возделывать, или, скорее всего, для того, чтобы они возделывались подневольной и зависимой рабочей силой? Размещением аланской знати в галло-романских *villae* можно объяснить такие топонимы, как Алланвиль (*Allainville* < *Alani villa*) или Аланкур (*Alaincourt* < *Alani curia*).

Доходы от эксплуатации земельных участков, несомненно, дополнялись жалованием, назначенным Римом в денежной или натуральной форме, а также случайной военной добычей. Естественно, операции по поддержанию порядка против багаудов не сулили военных трофеев, этим объясняется «жадность», с которой Эохар стремился к богатствам Арморики.

Военный аспект

Как уже отмечалось выше, аланы Gallia ulterior представляли собой военизированные колонии, расселенные из стратегических соображений в ключевых стратегических зонах. Если они и имели различные источники доходов, тем не менее основной причиной их присутствия была именно их военная целесообразность; всякий взрослый мужчина должен был иметь при себе оружие и мог быть мобилизован для ведения обычного наблюдения (удалось ли аланам покончить с деятельностью багаудов на их территории, или угроза по-прежнему сохранялась?) или для особых военных операций. Крупная военная операция в Арморике, например, должна была потребовать почти всеобщей мобилизации.

Можно с полной уверенностью утверждать, что аланы, населявшие *Gallia ulterior*, как и все их соотечественники, были наездниками. Мы не располагаем большими сведениями, однако возможно, что, по старой сармато-аланской традиции, – кстати, перенятой римской армией и разными германскими народами, – аланская знать сражалась в латах и была вооружена длинными копьями (*contus*). Эта гипотеза подкрепляется упоминанием в *Vita Germani* «закованной в железо кавалерии» (*equus ferratus*) Эохара.

Довольно вольное воспроизведение облика аланского воина, противостоящего багауду, было опубликовано в 1986 г. [9]. На нем изображен всадник, защищенный чешуйчатой кольчугой в сарматском «катафрактарном» стиле начала нашей эры (допустим...) и шлемом типа *Spangenhelm* (правдоподобно). Он вооружен коротким мечом и целится дротиком в своего противника; скорее можно было бы представить себе длинный меч (*spatha*), наподобие тех, что носили все «варвары» и поздние римляне, и длинное копье. В специальной западной литературе широко распространено мнение о том, что дротик был обычным оружием аланских всадников; возможно, это связано с ошибочным переводом термина *contus*.

Яркое своеобразие?

По-видимому, в культурном плане аланы Луары, являвшиеся вторым или третьим поколением алан в Галлии, сохранили свое своеобразие. Если верить *Vita Germani*, то король Эохар был язычником, «поклонником идолов». Эта терминология означает, что он не был «еретиком»-арианцем, как готы и бургунды, а исповедовал традиционную аланскую религию, наверняка так же, как и весь его народ. Кроме того, в начале встречи Герман обратился к нему через переводчика. Это может означать, что в 440-450 гг. аланы Луары еще сохраняли свой собственный язык и что существовали переводчики, обеспечивавшие контакты между аланским и галло-римским населением.

Подобная консервативность объясняется, несомненно, тем, что аланы переселились в Галлию вместе с семьями как полноценный «народ» в миниатюре. По причинам, связанным с их юридическим статусом (теоретически браки между римскими гражданами и «варварами» были запрещены), а также с их образом жизни, они, должно быть, в большинстве случаев вступали в эндогамные браки, что способствовало сохранению их обычаев.

Таинственное исчезновение

Существует множество гипотез о судьбе алан *Gallia Ulterior* во второй половине V в. Последние сведения о них после 451 г. и битвы при *Mauriacum* датируются 452-453 гг. Григорий Турский (*История франков*, II, 7) сообщает, что король вестготов Торисмонд «одержал победу в сражении с аланами»; эта же информация, датируемая 453 г., содержится в *Consularia Italica*, где говорится, что «Торисмонд, король готов, после смерти отца своего [при *Mauriacum* в 451 г.] победил в войне с аланами». Другая трактовка тех же событий предлагается в *Getica* (XLIII) Иордана; согласно ей Торисмонд якобы проник на территорию алан, чтобы сразиться там с ... гуннами Аттилы, вернувшимися, чтобы покорить алан, «обосновавшихся выше Луары»; эта вторая кампания Аттилы, которую следовало бы отнести к периоду между 451 г. и 453 г. – годом его смерти, – единодушно признана специалистами маловероятной. В 452 г. Аттила был в Италии, и о возвращении гуннских войск в Галлию после сражения при *Mauriacum* не сохранилось никаких сведений. Иордан, несомненно, ошибся в интерпретации событий. Важно то, что последнее недвусмысленное упоминание в античных источниках алан на Луаре касается вторжения вестготов на их территорию и вероятного сражения между двумя народами, проигранного аланами. При этом северной границей Вестготского королевства была по-прежнему Луара, а Орлеан остался «римским».

Были предприняты попытки найти следы алан на фоне разных событий в 460-х гг. и даже позже, но дело в том, что фактически они не являются более как независимая группировка и вопрос об аланских королях в районе Луары более не стоит. Похоже, что Ю. Кулаковский отождествляет алан *Gallia Ulterior* с аланами, восставшими в Галлии летом 461 г., затем разграбившими Северную Италию и побежденными в 464 г. в Бергамо (Bergamo), где был убит их король Беоргор (Beorgor) [4, стр. 111-112]. Однако вторжение в Италию легче поддается объяснению, если иметь в виду алан, расселенных в Валансе в 440 г.

Вероятнее всего, сражения, сначала против гуннов в 451 г., затем против вестготов в 453 г., значительно ослабили алан, число которых стало недостаточным для поддержания собственных социальных и политических структур и своего культурного своеобразия. Дата смерти Сангибана неизвестна, но, возможно, что у него не было преемника (в Испании аланы, потерпевшие поражения от вестготов в 418 г. и потерявшие в бою своего короля Аддака, не стали избирать нового правителя и предпочли примкнуть к вандалам). Аланские воины, несомненно, состояли на служ-

бе у последних римских генералов в Галлии Эгидия, Павла, наконец, «властителя римлян» Сиагрия, который правил остаточной территорией между Соммой, Луарой и независимой Арморикой вплоть до победы франков в 486 г. Это вытекает из странного псевдо-генеалогического списка VI-VII вв., согласно которому «Allapius» является предком «римских властителей» Эгидия, Павла и Сиагрия: считали ли аланы Луары этих правителей преемниками собственных королей [2, стр. 85]? Вероятно, после 486 г. потомки алан Эохара и Сангибана слились с новой руководящей элитой франков и с галло-римским населением.

Возможно, группы алан несколько сместились к северу и западу, то есть на территорию современной Нормандии и Бретани. Как будет показано ниже, некоторые археологические находки, сделанные в Нормандии, могут содержать сармато-аланские элементы. Что же касается Бретани, Б. Бахрах обобщил данные нескольких весьма неоднородных элементов (текст средневековой бретонской летописи, который невозможно проверить; несколько топонимов, частоту употребления имени Алан среди первых бретонских правителей; развитие бретонской кавалерии) [2, стр. 77-93]. Если логически можно допустить, что аланы ассимилировались с *Armorici*, находившимися в это время под властью кельтских вождей, вытесненных из Великобритании под натиском саксов, то считать, что аланы могли оказать значительное влияние на создание Бретонского королевства в период раннего средневековья, было бы явным преувеличением.

Парадоксы археологии

Приведенные выше данные о численности и яркой культурной самобытности алан Луары находятся в любопытном противоречии с практически полным отсутствием их археологических следов. Однако противоречие это только кажущееся: Аланское королевство просуществовало очень недолго; для сравнения напомним, что в Нормандии практически не сохранилось следов колонизации IX-X вв. скандинавами («викингами»), хотя она и была гораздо более массовой и длительной. Кроме того, прежняя территория проживания алан, особенно в районе La Beauce, мало урбанизирована, и археологические открытия на глубине, превышающей плодородный слой почвы, могут быть только случайными.

В 1930 г. Л. Франше (L. Franchet) предложил считать аланскими ряд бронзовых предметов, обнаруженных к западу от Орлеана, и находящихся в настоящее время в Вандомском музее [10, стр. 70-82, 109-117]. Однако эти якобы «кавказские бронзовые предметы» являются гораздо более

поздними: в настоящее время их датируют VII в. Декор их сочетает элементы самого разного происхождения, в которых не распознается никакого специфического аланского влияния. Впоследствии специалист по культуре периода Меровингов Е. Салин, изучив еще раз находки, пришел к осторожному заключению о том, что нельзя исключить возможность принадлежности этих бронзовых предметов «потомкам алан, более или менее смешанным с галло-римлянами и более или менее подверженным восточным влияниям» (в эпоху Меровингов в Орлеане существовали поселения сирийцев) [11, том II]. Все это звучит не очень убедительно.

Во всей северо-западной Галлии только в Нормандии, неподалеку от города Кан, были обнаружены следы пребывания «варваров» V в., состоящие из элементов вероятного аланского происхождения, смешанных с типичными восточно-германскими элементами. В особенности это касается «сокровищ Эрана», часть из которых имеет «близнецов» в аланском некрополе Лучистое в Крыму [12, стр. 11-15, 67-77], и некоторых захоронений Сен-Мартен-де-Фонтенэ (деформированные черепа, предметы «дунайского» стиля) [13, 14]. Конечно, эти данные не позволяют говорить о принадлежности найденных находок аланам *Gallia Ulterior* или их потомкам.

Однако ничто не мешает мечтать о возможном открытии если и не захоронения короля Эохара или Сангибана (может быть, разграбленного коренными жителями после ослабления алан!), то хотя бы скромной могилы, характер и содержимое которой указывали бы на вероятность ее аланского происхождения.

(Перевод с французского Лоры Арис-Джанаевой)

ЛИТЕРАТУРА:

- [1]: S. Péréalov, «Bazas 414: la rupture de l'alliance alano-gothique», *Dialogues d'histoire ancienne* 26/1, Besançon, 2000.
- [2]: V. Bachrach, *A History of the Alans in the West*, Minneapolis, 1973.
- [3]: M. Le Glay, *Rome*, Paris, 1992.
- [4]: Ю.А. Кулаковский, *Избранные труды по истории Аланов и Сарматии*, СПб, 2000.
- [5]: I. Lebedynsky, *Les Sarmates*, Paris, 2002.
- [6]: В.А. Ковалевская, «Аланы в Западной Европе», *Аланы, Западная Европа и Византия*, Владикавказ, 1992.
- [7]: G. Taverdet, *Les coteaux des Sarmates*, Association bourguignonne de dialectologie et d'onomastique, Dijon, 1994.
- [8]: E. Demougeot, *La formation de l'Europe et les invasions barbares*, Paris, 1969 (t. 1), 1979 (t. 2).

[9]: T. Newark, *Warlords*, London, 1986.

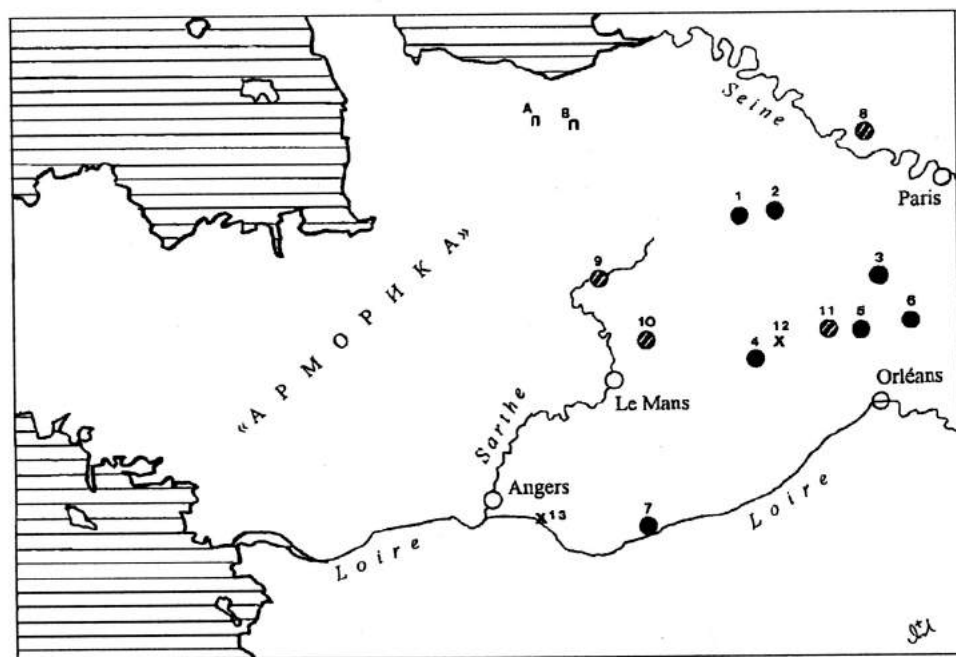
[10]: L. Franchet, «Une colonie scytho-alaine en Orléanais au Ve siècle», *Revue scientifique* LXVIII, Paris, 1930.

[11]: E. Salin, *La civilisation mérovingienne*, Paris, 1950-1959.

[12]: *Archéologie de la mer Noire, la Crimée à l'époque des Grandes Invasions*, Musée de Normandie, Caen, 1997.

[13]: *Attila, les influences danubiennes à l'ouest de l'Europe au Ve siècle*, Musée de Normandie, Caen, 1990.

[14]: C. Pilet, *A ciel ouvert, treize siècles de vie – la nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay*, Paris, 1987.

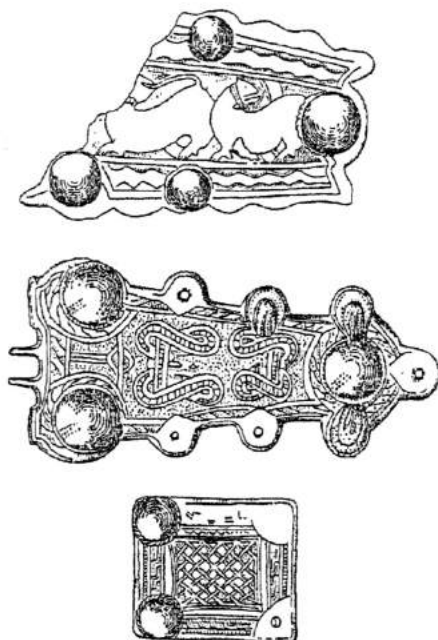

«GALLIA ULTERIOR»

1-7: Наиболее правдоподобные «аланские» топонимы. 1: Alaincourt; 2: Allainville-en-Drouais; 3: Allainville-aux-Bois; 4: Courtalain; 5: Allaines-Mervilliers; 6: Allainville-en-Beauce; 7: Langeais (*Alangaviense* в VI в.).

8-11 и 12-13: Другие возможные «аланские» топонимы. 8: La Lainville; 9: Alençon; 10: Aulaines; 11: Allonville; 12: Gohory (*Gohere* в 1133 г., *Gohoriacum* в 1210 г.); 13: Gohier (*de monte Goherii* в 1090-1125 гг.).

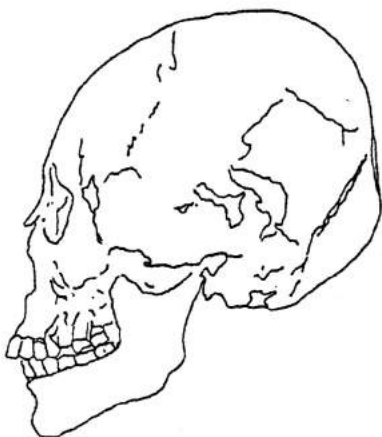
A-B: Археологические находки. A: Saint-Martin-de-Fontenay; B: Airan.

Мнимые «аланские» бронзовые предметы из окрестностей г. Вандом;
по E. Salin, 1950.

Золотые украшения V в. Слева: Эран (Франция, Нормандия).
Справа: Лучистое (Украина, Крым), аланский некрополь.

Деформированный женский череп из могилы 300 Сен-Жермен-дэ-Фонтенэ
(Франция, Нормандия); вторая половина V в.

GALLIA ULTERIOR:

Questions sur le royaume alain de la Loire

De nombreux Alains passèrent le Rhin gelé le 31 décembre 406 en compagnie des Vandales et Quades. Ceux commandés par Goar restèrent en Gaule du Nord-Est après le départ du gros des envahisseurs pour l'Espagne. A partir de 440, des groupes d'Alains furent installés dans le Valentinois et au nord de la Loire dans le cadre des plans stratégiques du généralissime romain Aetius. L'article porte sur les questions concrètes, souvent négligées, que pose le plus important de ces établissements – celui de la Loire.

L'arrivée des Alains. La *Chronique des Gaules*, qui mentionne l'implantation en 440 du groupe de Valence, signale deux ans plus tard (442) l'expulsion de propriétaires fonciers gallo-romains par des Alains en *Gallia Ulterior*. Ce nom ne renvoie pas à une province ou région définie. Il est malgré tout probable que les Alains de 442 sont ceux signalés ensuite en Gaule du Nord et Nord-Ouest vers 445-48 (leur roi «Eochar» est chargé de réprimer la révolte de l'Armorique) puis en 451 (leur roi Sangiban réside à Orléans). La *Gallia Ulterior* devait être, au Ve siècle, la Gaule au nord de la Loire.

Les antécédents des Alains de la Loire sont inconnus. La théorie la plus économique voit en eux des descendants des Alains entrés en Gaule en 406, probablement ceux de Goar demeurés durant plusieurs décennies en Gaule du Nord-Est.

Un statut de royaume «fédéré»? Contrairement aux petites colonies sarmates de *Gentiles* éparpillées en Gaule, ces Alains de la Loire occupaient un territoire compact et avaient leur(s) propre(s) roi(s). Ils bénéficiaient probablement d'un *foedus*, d'un pacte analogue à ceux que Rome avait conclus avec les Wisigoths et Burgondes. Pour autant, leur territoire demeurait une partie de l'empire et leur action militaire était planifiée par le pouvoir romain.

Les effectifs. On ne peut estimer les effectifs des Alains qu'à partir de la puissance militaire qu'on les voit déployer en 445-48, où ils sont chargés de contrôler la vaste *Armorica* romaine, plus étendue que la Bretagne actuelle, et en 451 où ils forment le centre du dispositif romain contre Attila à la bataille de *Mauriacum*. Un effectif de 1000 guerriers paraît très insuffisant, un effectif de 10000 peut-être excessif. La vérité doit être entre les deux, mais il est difficile de la cerner de plus près. Le nombre total d'Alains des deux sexes devait représenter cinq fois celui des combattants – peut-être entre 10000 et 35000 personnes.

Le territoire alain. Les sources et les données toponymiques (à utiliser avec prudence) suggèrent un territoire alain situé au nord de la Loire, dans l'Orléanais et la Beauce, avec comme limites extrêmes les cours de la Loire, de la Seine et de la Sarthe. Orléans était, en 451, la résidence du roi alain Sangiban.

Les rois. Les sources évoquent deux rois sans doute successifs: Eochar et Sangiban. «Eochar» pourrait être le «Goar» de 406. L'installation de Sangiban à Orléans, si elle était permanente, pourrait impliquer l'existence d'une Cour et l'utilisation par le pouvoir alain de l'administration romaine.

Le mode de vie des Alains en Gallia Ulterior. Les Alains de Gaule s'étaient certainement sédentarisés. La confiscation des domaines gallo-romains leur a permis de s'emparer des revenus agricoles de la région, complétés par le butin de guerre et sans doute par une solde.

Aspects militaires. La principale raison d'être du royaume alain de la Loire était son utilité militaire. Les Alains fournissaient une cavalerie, dont des «cataphractaires» ou lanciers cuirassés, arme d'élite de l'époque.

Une forte identité? La conservation du particularisme alain (religion, langue, onomastique...) doit s'expliquer par leur endogamie.

Une disparition mystérieuse. Après la guerre qui les aurait opposés en 452-53 aux Wisigoths d'Aquitaine, les Alains de la Loire disparaissent des sources. Leur sort demeure mystérieux. Le plus probable est que, décimés par les combats de 451 et 452-53, ils n'ont pu maintenir leurs propres structures et leur culture distincte et se sont assimilés, dans la deuxième moitié du Ve siècle, aux nouveaux conquérants francs et à la population indigène. Le rôle qu'ils ont pu jouer dans la formation de la Bretagne armoricaine médiévale est très mal documenté.

Le paradoxe archéologique. Il n'y a pas de trace archéologique sûre du royaume alain de la Loire. Les «Bronzes du Vendômois», anciennement identifiés comme «alains» du Ve siècle, sont bien postérieurs. Les trouvailles faites dans la plaine de Caen (Airan, Saint-Martin de Fontenay...) ne peuvent être rattachées spécifiquement aux Alains de *Gallia Ulterior*.

GALLIA ULTERIOR:

Questions about the Alanic Kingdom on the Loire River

During the last day of 406 A.D., two groups of Alans mixed with Germanic Vandals and Suevians crossed the Rhine river and invaded Gaul. One of them entered Spain in A.D. 409, but the other, under king Goar, stayed in Gaul and cooperated with Roman forces. From 440 on, compact Alanic settlements are mentioned near Valence (South-Eastern Gaul) and on the Loire river (North and North-Western Gaul). These facts are well known, but this article deals with more concrete questions related to the northern Alanic settlement on the Loire: Which were the conditions of its creation? Where did these Alans come from? Which were the boundaries and status of their territory? How did their economics function?

Appearance and military activity of the Alans. Distinct data about Alanic settlements are found in the *Chronica Gallica*. Under 440 A.D., it reports that Alans under their leader Sambida were settled near the city of Valence. Two years later (442 A.D.), Gallo-Roman landowners in *Gallia Ulterior* were expelled by Alans settled in this ill-defined region. This could refer either to the Valence group, or, more probably, to a new settlement in Northern Gaul. Anyway, Constance of Lyon, in his *Vita Germani*, records that the Roman Generalissimo Aetius sent the Alans, led by their king «Eochar», to crush down the rebellion of the Armoricans about A.D. 445-48. We know from Jordanes (*Get.* XXXVIII) about the residence of the Alanic king Sangibanus in Orleans. His Alans fought on the Roman side at the battle of *Mauriacum* («Catalaunian Fields») in 451.

A status of federate kingdom? Unlike the small units of Sarmatian *Gentiles* in Gaul, the Alans of the Loire had a special juridical status. They were ruled by their king and were probably «federates» (*Foederati*) of the Romans. Their rights were based on a pact (*foedus*) according to which they got lands in exchange for military service. Supreme military command was retained by Rome. The Alans were used to control the region and quell the *Bacaudae* revolts.

Number. There is no data about the number of the Alans. Indirect information is given by the military capacity they showed against the Armoricans in 445-48 and the Huns in 451. 1000 warriors would have been too few, an estimation of 10000 would probably be too high.

Territory of the Alans. We have no data about the territory or limits of the Alanic kingdom, except that the residence of king Sangiban in 451 was the town of Orleans on the middle Loire. Toponymy points to the North-North-West of Gaul, where there seems to be a number of place names related to the name of the Alans, between the rivers Loire, Seine and Sarthe.

Rulers. Two kings – Eochar and Sangiban – are mentioned by the sources in the Loire area. Many scholars think that «Eochar» is likely to be the «Goar» of 406-411, although doubt remains. The Alanic kings were both political and military rulers.

Way of life. Before coming to Gaul, most Alans were nomads. In Gaul, they probably had to give up pastoralism and adopt a sedentary, agricultural way of life (perhaps they used slaves to work on their estates). Some part of their income consisted in Roman pay and in booty.

Military aspects. The main *raison d'être* of the Alanic colonists was to serve Roman strategic purposes. We may suppose that their military speciality was heavy armoured cavalry (cataphracts) armed with long lances (*contus*).

A strong identity? The Alans stayed in Gaul during 2-3 generations and kept their peculiarities: Iranian onomastic, language, religion, social organization. This conservation of their ethnic identity may be explained by endogamy.

Mysterious disappearance. Abrupt disappearance of the Loire Alans in the second half of the 5th century was the result of the collapse of the Alanic kingdom after its defeat by the Wisigoths in 452-53. Some of the Alans were assimilated later by the Franks and by the «Armorican» population of North-Western Gaul.

An archaeological paradox. Alanic remains in Gaul, especially North of the Loire, are miseric. Some former identifications are rejected now (e.g. the so-called «Caucasian bronzes» of the Vendôme region). Others – which reflect mixed Sarmato-Alanic and Eastern Germanic influences – were found North of the Alan territory, in Normandy, near the city of Caen.